

© 2017 г.

С.Г. КОНОВАЛОВ

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОПЫТКИ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Коновалов Сергей Геннадьевич — аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия) (E-mail: sgkonovalev@rambler.ru).

Konovalev Sergey G. — post-graduate of the department of criminal procedure, justice and prosecutorial supervision of the faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (E-mail: sgkonovalev@rambler.ru).

Аннотация: имея советские корни, стадия возбуждения уголовного дела подвергается суровой критике со стороны многих современных учёных. В ряде государств идея о необходимости её упразднения была поддержана законодателем, что стало дополнительным аргументом в арсенале противников данного института. Между тем с годами всё отчётливей звучат голоса процессуалистов, утверждающих, что проведённые постсоветскими реформаторами изменения не принесли ожидаемого результата. Исследовав законодательство постсоветских республик, автор приходит к выводу о справедливости данного мнения и обращает внимание на ряд причин, препятствующих успешной вестернизации возбуждения уголовного дела.

Abstract: as having a Soviet origination the stage of initiation of criminal case is firmly criticized by modern scholars. One more argument against this procedural institution is that in some post-Soviet states legislators supported the initiatives of its abolishment. However, gradually, some scholars start stating that the above-mentioned amendments have not achieved expected goals. Analyzing the legislation of the aforesaid states, the author also criticizes the post-Soviet reforms of criminal proceedings and raises some reasons for their failures.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, стадия, постсоветское пространство, упразднение.

Key words: initiation of criminal case, stage, Post-Soviet states, abolition.

Ещё совсем недавно стадия возбуждения уголовного дела рассматривалась как символ отечественного досудебного производства и бесспорное достижение советской правовой мысли. Но время не стоит на месте, и в наши дни дискуссия вокруг данного института разгорается всё жарче. Следует заметить, что своим появлением в середине 1930-х годов¹ он обязан вполне разумной идее о недопустимости принуждения со стороны государства без достаточных оснований. Однако попытка её воплощения, предпринятая советским законодателем, основывалась на сомнительных доктринальных предположениях, что привело к возникновению множества практических проблем².

Разумеется, идея обоснованности процессуального принуждения была известна и ранее. Ещё при подготовке Судебной реформы 1864 г. её разработчики, рассуждая о «главнейших недостатках» дореформенного процесса, отмечали, что «следствия нередко начинаются без надлежащего основания... поэтому частные лица напрасно привлекаются к суду, а судебные места обременяют себя излишними

занятиями»³. Однако царские реформаторы не стали изобретать велосипед в виде особой стадии⁴. Вместо этого они взяли на вооружение французский опыт, к тому времени доказавший свою работоспособность.

Устав уголовного судопроизводства устанавливал, что при сомнительности признаков преступления предварительному следствию должно было предшествовать дознание. Осуществлялось оно полицией без использования принудительных средств (ст. 253, 254). Производство же действий, вторгающихся в сферу личных прав, по общему правилу допускалось лишь на предварительном следствии. При этом последнее рассматривалось как прерогатива судебного следователя, обладавшего подлинной судебской независимостью⁵.

Таким образом, в дореволюционном уголовном процессе необоснованному принуждению со стороны государства препятствовал двойной заслон. Во-первых, в спорных случаях принудительная деятельность не могла начаться без предварительной проверки. Во-вторых, решение о вторжении в чьи-либо права принимал

¹ См.: Деришев Ю. В. Стадия возбуждения уголовного дела — реликт «социалистической законности» // Росс. юстиция. 2003. № 8. С. 34.

² Обсуждение проблем функционирования рассматриваемой стадии, вызванных несовершенством её конструкции, см., например: Библиотека криминалиста. 2014. № 1.

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны Ч. 2. СПб., 1866. С. 21.

⁴ Колоколов Н. А. Стадия возбуждения уголовного дела: сохранить, трансформировать, упразднить? // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 91.

⁵ Фукс В. Я. Суд и полиция. В 2-х ч. М., 1889. С. 244.

независимый и беспристрастный субъект — следственный судья.

С установлением советской власти этот заслон был разрушен. Дознание перестало рассматриваться как деятельность без принуждения, а следователь утратил свой судейский статус⁶. В результате, казалось бы, давно решённая проблема вновь приобрела былую остроту. О том, что возникшие трудности не отличались новизной, свидетельствует очевидное сходство их описания в письме А. Я. Вышинского с приведёнными словами отцов судебной реформы. В директивном письме, изданном в 1934 г., отмечалось, что «граждане нередко привлекаются к уголовной ответственности по весьма шатким основаниям. Такой подход вызывает бесполезную трату времени и государственных средств, отрывает от работы граждан и создаёт для них ненужные стеснения»⁷. Но, поскольку прежнее решение было признано устаревшим, справиться с проблемой помог новый институт — стадия возбуждения уголовного дела.

Вполне естественно, что государствам, сохранившим традиционное представление о формах предварительного расследования, данная стадия неизвестна. Вместе с тем с течением времени на Западе у французского варианта также появилась альтернатива. Дело в том, что сначала Германия, а затем и ряд других государств Европы отказались от предварительного следствия⁸. Поскольку же дознание сохранило свою полицейскую природу и потому по-прежнему нуждалось в судейской легитимации, роль защитного механизма в этих странах была передана институту судебного контроля⁹.

На постсоветском пространстве такие перемены не остались незамеченными. Не случайно в ходе современной полемики о стадии возбуждения уголовного дела высказывались суждения, что с появлением судебного контроля её существование теряет смысл¹⁰. Более того, именно новый европейский подход стал главным ориентиром для постсоветских реформаторов, решивших отказаться от данной стадии. Однако вряд ли стоит объяснять, что ликвидация института с почти вековой историей — дело непростое. Уже в силу этого интересно взглянуть на

реализацию этой идеи и понять, насколько успешной она оказалась.

В настоящее время упоминание о стадии возбуждения уголовного дела отсутствует в целом ряде постсоветских уголовно-процессуальных кодексов. С некоторой долей условности их можно разделить на две группы. К первой из них относятся те, в которых начало процессуальной деятельности связывается с регистрацией информации о преступлении. Таковы УПК Молдавии (2003 г.), Украины (2012 г.), Казахстана (2014 г.) и Киргизии (2017 г.¹¹). Сюда также можно отнести проект нового УПК Армении, принятие которого, по всей видимости, — лишь вопрос времени. Вторая группа актов состоит из уголовно-процессуальных законов Литвы (2002 г.), Эстонии (2003 г.), Латвии (2005 г.) и Грузии (2009 г.), закрепляющих, что расследование начинается с производством первого следственного действия.

Что касается **Молдавии**, то ст. 279 УПК позволяет начинать процессуальную деятельность сразу после регистрации осведомления. Термином «осведомление» молдавский законодатель обозначает получение информации о преступлении соответствующим компетентным должностным лицом. Возможность отказа в её регистрации законом не предусмотрена. По этой причине отдельные исследователи заключают, что стадия возбуждения уголовного дела в Молдавии отсутствует¹².

Возможно, на первый взгляд такой вывод и выглядит закономерным. Однако, обратившись к ст. 274 молдавского УПК, в ней можно обнаружить аналог отечественной доследственной проверки. Указанная статья отводит 30 дней на установление признаков преступления посредством производства «констатирующих действий». И лишь при появлении разумного подозрения выносится постановление о начале уголовного преследования, открывающее возможность для государственного принуждения (ст. 279 УПК). С учётом этих положений очевидно, что в Молдавии отказ от спорной стадии действительно оказался номинальным¹³. Несмотря на то что законодатель, по всей видимости, испытал германское влияние¹⁴, избавиться от советского наследия ему не удалось.

Попытка реформирования, предпринятая на **Украине**, на фоне молдавского опыта выглядит убедительнее. Не случайно принятие нового УПК Украины обострило дискуссию по поводу рассматриваемой стадии¹⁵.

⁶ Согласно советской парадигме разница между дознанием и предварительным следствием состоит «не в органической природе того и другого, а в функциональном размежевании... областей действия». Проще говоря, сущностное отличие этих форм производства сводится к сложности расследуемых дел (см. Доклад т. Вышинского по п. 5 повестки дня: «Вопросы уголовного процесса» // Еженедельник сов. юстиции. 1924. № 12—13. С. 279).

⁷ Директивное письмо зам. прокурора СССР прокурорам союзных республик от 13 августа 1934 г. «О качестве расследования» // За соц. законность. 1934. № 9. С. 52.

⁸ Jimeno-Bulnes M. American Criminal Procedure in a European Context // Cardozo Journal of International and Comparative Law. 2013. Vol. 21. P. 438—441; Moos R. Die Reform des Vorverfahrens im österreichischen Strafverfahren // Festschrift für Heike Jung zum 65. Geburtstag am 23. April 2007 / Müller-Dietz H., Müller E., Kunz K.-L. (Hrsg.). Baden-Baden, 2007. S. 589, 590.

⁹ См.: Головкин Л. В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Гос. и право. 2013. № 9. С. 29—32.

¹⁰ См.: Дикарев И. С. Стадия возбуждения уголовного дела — причина неоправданных проблем расследования // Росс. юстиция. 2011. № 11. С. 38—40.

¹¹ Согласно ч. 3 ст. 1 Закона Кыргызской Республики от 24 января 2017 г. № 10, новый УПК Киргизии вводится в действие с 1 января 2019 г.

¹² См.: Кожокар В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 222—224.

¹³ См.: Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головкин. М., 2016. С. 206.

¹⁴ Об этом свидетельствует, в частности упоминание «разумного подозрения» как предпосылки предварительного расследования (ст. 279 УПК). В Германии необходимость начать дознание также обусловлена наличием подозрения (Kühne H.-H. Die Definition des Verdachts als Voraussetzung strafprozessualer Zwangsmaßnahmen // Neue Juristische Wochenschrift. 1979. № 13. S. 618).

¹⁵ См.: Стефанский А. Л. Об эффективности стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 277, 278.

Статья 214 УПК закрепляет, что предварительное расследование начинается с внесением информации о преступлении в государственный реестр. Предельный срок регистрации составляет 24 часа. Отказ во внесении сведений в реестр не допускается.

Тем не менее в последнее время всё больше исследователей склоняются к тому, что попытка украинских реформаторов последовать европейскому примеру потерпела неудачу¹⁶. Проявленный учёными скептицизм отчасти обусловлен требованиями, предъявленными к содержанию единого реестра. В состав заносимых в него сведений закон включает помимо прочего информацию о предварительной квалификации преступления и об обстоятельствах, свидетельствующих о его совершении (ч. 5 ст. 214 УПК).

Очевидно, что для получения этих данных одного только сообщения о преступлении может быть недостаточно. Поэтому неудивительно, что вскоре после принятия нового УПК Генеральным прокурором Украины был издан приказ, позволивший в течение семи дней проверить поступившую информацию непроцессуальными средствами. В зависимости от результатов такой проверки предписывалось либо начать полноценное расследование, либо вынести постановление о прекращении производства¹⁷. И, несмотря на то что впоследствии этот приказ был отменён¹⁸, спровоцировавшая его появление проблема сохранилась.

Аналогичная ситуация сложилась в **Казахстане**, чья кодификация, как предполагалось, должна была перенять лучшие достижения украинской реформы¹⁹. Содержание регистрационной формы, утверждённой Генеральным прокурором, свидетельствует о том, что в Казахстане в единый реестр также вносятся как данные о предварительной квалификации, так и подробная характеристика предполагаемого преступления²⁰.

Более того, согласно ч. 1 ст. 185 УПК при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, заявления и сообщения подлежат непроцессуальной проверке, сроки которой законом не установлены. Регистрация такой информации не производится. Неудивительно, что автор одного из комментариев к казахстанскому УПК призывает правоохранителей проверять наличие не только повода, но и основания для

начала производства²¹. При таких обстоятельствах совершенно ясно, что рассуждения о “кардинальных изменениях, исключающих институт возбуждения уголовного дела”²², оторваны от реальности.

По-видимому, ещё большему влиянию со стороны украинского законодательства подвергся новый УПК **Киргизии**. Начало производства по делу он также связывает с моментом регистрации, на которую отводится 24 часа (ч. 1 ст. 149). Что касается содержания реестра, по всей видимости, предполагается, что и киргизские правоприменители должны будут давать предварительную квалификацию и излагать обстоятельства гипотетического преступления²³. Отголоски советской эпохи слышатся и в обязанности направлять участникам процесса сообщение о его начале (ч. 2 ст. 149). В одном недавнем диссертационном исследовании был сделан вывод, что в первом варианте проекта УПК «начало досудебного производства... так и осталось “советской стадией возбуждения уголовного дела”»²⁴. Как видно, даже после существенной доработки документа эти слова сохранили актуальность.

В концепции нового уголовно-процессуального кодекса **Армении** началом предварительного расследования предлагается считать момент получения сообщения о преступлении²⁵. Судя по всему, речь в данном случае также идёт о внесении информации в государственный реестр. Так или иначе, из текста проекта УПК следует, что полноценное расследование возможно лишь после составления протокола об инициации уголовного процесса. При этом в некоторых случаях следователь сможет принять решение об отказе. Предполагается, что в протоколе будут фиксироваться описание гипотетического преступления и его правовая оценка²⁶. Вопрос же о том, что делать следователю при отсутствии этих сведений, вновь остаётся открытым.

Таким образом, несмотря на некоторые отличия, каждое из названных государств в той или иной степени тяготеет к сохранению рассматриваемой стадии. Заметим, что все изученные акты объединяет одна черта: требование о предваряющей расследование квалификации деяния. Эта на первый взгляд незначительная деталь в действительности имеет определяющее значение.

К сожалению, как сторонники, так и критики досудебной проверки нередко упускают из виду тот факт, что цели правовых институтов не статичны. В те времена, когда стадия возбуждения уголовного дела только

¹⁶ См., например: *Филин Д.В.* Возбуждение уголовного дела: традиции и современное состояние // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 210, 211; *Статива І.І.* Початковий етап досудового провадження в сучасному кримінальному процесі: український та західний контексти. Дніпропетровськ, 2012. С. 89; *Астафьев Ю.В.* Новые формы соотношения оперативно-розыскной и доказательственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы предупреждения и расследования преступлений: прошлое и настоящее / Под ред. В.А. Панюшкина. Воронеж, 2014. С. 217.

¹⁷ См.: Наказ Генерального прокурора України від 14.11.2012. № 113 // <http://consultant.parus.ua/?doc=08AIB02673>

¹⁸ См.: Наказ Генерального прокурора України від 25.04.2013. № 54 // <http://consultant.parus.ua/?doc=08IO09138D>

¹⁹ См.: Председатель ВС Республики Казахстан Бектаз Бекназаров: “Новый УПК Казахстана почти на 90% будет похож на украинский кодекс” // Закон и Бизнес. 2013. № 25.

²⁰ См.: Приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89 // <http://adilet.zan.kz/rus/origins/V14W0009744>

²¹ *Когамов М.Ч.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан 2014 года. Т. 2. Особенная часть. Алматы, 2015. С. 28–30.

²² *Кемали М.С.* Новый закон существенно усиливает гарантии человека // Росс. следователь. 2013. № 14. С. 44.

²³ Соответствующие положения содержались в проекте УПК (ч. 2 ст. 166), однако впоследствии было решено, что структура реестра будет определяться Правительством республики (ч. 1 ст. 150 УПК).

²⁴ *Сыдыгалиев М.А.* Дифференциация формы досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 87.

²⁵ См.: *Гамбарян А.С., Оганесян А.А.* Возбуждение уголовного производства в проекте нового УПК Республики Армения // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 68.

²⁶ Там же. С. 68–70.

формировалась, структура органов предварительного расследования была проста, что делало споры о компетенции крайне редким явлением. Поэтому на тот момент значение новой стадии, по сути, сводилось к минимизации необоснованного принуждения.

Однако со временем количество правоохранительных структур возрастало, а их система становилась всё сложнее. Естественной реакцией на этот процесс стало развитие института подследственности, во главу угла которого была поставлена квалификация. Немалую роль в этом процессе сыграло и новое понимание природы дознания и следствия, придающее первостепенное значение установлению категории преступления.

В конечном счете определение подследственности на основании сообщения о преступлении оказалось затруднено. Информации, сообщённой заявителем, часто не хватало. Как следствие, перед стадией возбуждения уголовного дела была поставлена новая задача: обеспечить получение сведений, достаточных для первоначальной квалификации. Сама же стадия обогатилась третьим итоговым решением: о передаче заявления или сообщения по подследственности.

Как видно, отмечаемая в юридической литературе²⁷ связь квалификации и доследственной проверки отнюдь не иллюзорна. И до тех пор, пока часть и статья уголовного кодекса не будут исключены из состава регистрируемой информации, ликвидация проверочной стадии так и останется несбыточной мечтой. Правоприменители будут использовать любые лазейки, чтобы отсрочить начало расследования и отыскать необходимые сведения, что приведёт к появлению суррогатов “упразднённого” института. Возможно, для такой деятельности даже найдут оправдание в законе²⁸.

Но как же решить эту проблему? Конечно же, простое исключение из реестра раздела о квалификации здесь не поможет. Этот шаг возможен лишь в том случае, если подследственность будет определима и без правовой оценки деяния. Для этого, в свою очередь, требуются простая организационная структура расследования и чёткие критерии разграничения компетенции. Именно эти черты свойственны государствам Западной Европы, не знакомым со стадией возбуждения уголовного дела.

К примеру, в Германии большинство уголовных дел расследуется криминальной полицией. Прочие органы дознания, определяемые законодательством федеральных земель, как правило, немногочисленны, а их компетенция интуитивно понятна²⁹. Во Франции традиционно

существуют два полицейских ведомства: национальная полиция и национальная жандармерия. Конечно, это создаёт определённые трудности, но всё же закон разграничивает сферы их деятельности, не обращаясь к уголовному кодексу³⁰. Компетенция же иных органов, наделённых полномочиями по дознанию (служб по охране вод и лесов и др.), тем более не вызывает вопросов.

Применительно к выделенной выше первой группе квалификаций следует отметить ещё один фактор, мешающий ликвидации спорной стадии. Речь идёт о сохранении института срока досудебного производства. Так, законодатель Казахстана исчисляет его с момента регистрации (ч. 2 ст. 192 УПК), а это значит, что время до внесения сведений в реестр при этом не учитывается. Вполне вероятно, что желание соблюсти установленные законом рамки спровоцирует сбор значимой для дела информации ещё до регистрации полученного сообщения³¹. В результате проверочная деятельность неизбежно превратится в полноценную стадию процесса.

Для государств второй группы рассмотренные проблемы не актуальны. Хотя ч. 3 ст. 166 УПК Литвы и предусматривает регистрацию сообщений, внесение сведений в государственный реестр не является юридическим фактом, обуславливающим начало предварительного расследования. Первоначальная квалификация деяния также не относится к его предпосылкам, поскольку подследственность определяется и без неё. Производством расследования в Литве, как правило, занимается полиция, а полномочия иных органов (таможни, МЧС, военной полиции и т.д.) обусловлены их специализацией (ч. 1 ст. 165). Столкнувшись с информацией о преступлении, они, не составляя письменных постановлений, незамедлительно приступают к расследованию (ч. 1 ст. 166, ч. 1 ст. 169).

При беглом взгляде на эти нормы складывается впечатление, что Литва действительно “провела коренную перестройку... в том числе отказавшись от стадии возбуждения уголовного дела”³². Однако при более внимательном прочтении этот вывод кажется сомнительным. Так, ч. 4 ст. 166 литовского УПК предписывает сообщать заявителю о начале предварительного расследования. Но если дознание и правда начинается по каждому полученному поводу³³, то эта норма не имеет смысла.

служба и служба по рыболовству (см.: *Verordnung über die Ermittlungspersonen der Staatsanwaltschaft vom 21. Dezember 1995 // GVBl. 1996. S. 4*).

²⁷ См.: Головкин Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995. С. 20–23. Правда, в юридической литературе встречаются замечания о размытости их компетенции, но не стоит забывать, что критерии разграничения подследственности, используемые российским законодателем, вовсе неизвестны.

²⁸ К примеру, В. Максименко полагает, что необходимость указания квалификации в реестре свидетельствует об одобрении украинским законодателем практики производства “проверочных действий” и принятия решений “об отсутствии оснований для начала досудебного производства” (см.: Максименко В. Первоначальный этап стадии досудебного расследования в уголовном процессе Украины // *Legea si viata*. 2014. № 12/3. С. 80).

²⁹ Скажем, в Баварии наряду с полицией расследование осуществляют, в частности, таможня, лесничество, егерская

³⁰ См.: Данилевич А., Самарин В. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь // *Законность и правопорядок*. 2013. № 3. С. 26.

²⁷ Чекулаев Д. П. Стадия возбуждения уголовного дела на постсоветском пространстве // *Правовые проблемы укрепления российской государственности*. Сб. ст. Ч. 59 / Отв. ред. М. К. Свиридов, Ю. К. Якимович. Томск, 2013. С. 234.

²⁸ К примеру, В. Максименко полагает, что необходимость указания квалификации в реестре свидетельствует об одобрении украинским законодателем практики производства “проверочных действий” и принятия решений “об отсутствии оснований для начала досудебного производства” (см.: Максименко В. Первоначальный этап стадии досудебного расследования в уголовном процессе Украины // *Legea si viata*. 2014. № 12/3. С. 80).

²⁹ Скажем, в Баварии наряду с полицией расследование осуществляют, в частности, таможня, лесничество, егерская

Чтобы прояснить данную ситуацию, следует обратиться к ст. 168 УПК Литвы. Согласно ч. 1 ст. 168, при наличии установленных законом препятствий либо при явной ошибочности полученной информации производство по делу не начинается. Решение об этом составляется в письменном виде и направляется заявителю (ч. 2, 3 ст. 168 УПК). Поскольку же его принятие должно быть мотивировано, закон предусмотрел целый ряд проверочных действий, осуществляемых «в предельно сжатые сроки». Как видно, за фасадом европеизации литовского права скрываются далеко не европейские конструкции доследственной проверки и отказных постановлений. А значит, сколь бы сильным ни было германское влияние на УПК Литвы³⁴, на существовании спорной стадии оно не отразилось.

УПК Эстонии 2003 г., принятый вскоре после литовского, регламентирует начало предварительного расследования аналогичным образом. В ч. 1 ст. 193 УПК закреплено, что уголовное дело возбуждается первым процессуальным действием. Поскольку именно так момент начала уголовного процесса определяют германские юристы³⁵, может показаться, что Эстония в этом вопросе пошла по западному пути³⁶. Тем не менее ст. 199 УПК предписывает отказывать в возбуждении уголовного дела при отсутствии основания. Заявитель уведомляется об этом в письменной форме по итогам десятидневной проверки (ч. 1 ст. 198). Ясно, что в такой ситуации об отказе от советской стадии говорить также не приходится.

Вопреки утверждениям о том, что УПК Латвии ориентирован на англо-американскую модель³⁷ и не предусматривает доследственной проверки³⁸, его предписания о начале предварительного расследования также созвучны нормам литовского законодательства. Согласно ст. 370 УПК для начала производства по делу должны быть как повод, так и основание. Решения о возбуждении или невозбуждении уголовного дела оформляются в письменном виде (ст. 372, 373). Для их обоснования допускается проведение проверки без использования «средств и методов уголовного процесса» (ч. 2 ст. 370).

Вероятно, единственный постсоветский кодекс, не оставивший лазеек для возвращения спорной стадии, был принят в Грузии. Будучи ориентирован на американский процесс³⁹, он вполне ожидаемо содержит весьма скудный набор

положений о досудебном производстве⁴⁰. Статья 100 УПК Грузии гласит, что в случае получения информации о преступлении следователь или прокурор обязаны начать следствие. Доследственная проверка и отказ в возбуждении уголовного дела законом не предусмотрены. О регистрации сообщений о преступлении и его предварительной квалификации кодекс также умалчивает.

Впрочем, не стоит думать, что законодательные поправки способны самостоятельно устранить хорошо прижившийся институт. В научной юридической литературе справедливо отмечается, что подобные реформы нуждаются в изменении правосознания граждан и должностных лиц⁴¹. К примеру, все понимают, что правило о возбуждении уголовного дела по каждому полученному сообщению не является абсолютным. Практика показывает, что обыватель может считать преступными любые неприятные ему действия⁴². Оформленный как заявление о преступлении документ может содержать сюрреалистичную фабулу или бессвязный набор слов. Начинать предварительное расследование при получении подобного рода «заявлений» было бы абсурдно. Поэтому решение казахстанского правотворца разрешить списание такой информации в номенклатурное дело⁴³ было оправданным.

Вместе с тем, очевидно, что, прикрываясь этой нормой, недобросовестные следователи и дознаватели могут скрывать от учёта любые «нежелательные» сообщения. Это особенно актуально для людей, привыкших к «палочной системе» и рассматривающих прекращение производства как плохой показатель, свидетельствующий об ошибочном возбуждении дела⁴⁴. Перенять европейский опыт при сохранении такого мышления едва ли возможно.

Не меньшее значение имеет и общественное правосознание. Если граждан, попавших в поле зрения правоохранительных органов, общество заранее клеймит как преступников, практика неизбежно создаст аналог доследственной проверки. Это явление, обозначаемое в социологии термином «стигматизация», широко распространено на постсоветском пространстве⁴⁵. Не избежали его влияния и западные страны.

Хорошим примером может послужить Германия, где оказавшиеся под подозрением лица также подвергаются стигматизирующему воздействию⁴⁶. Данное обстоятельство сыграло не последнюю роль в появлении на практике проверочной деятельности, известной как предзнание (Vorermittlung). Его методы непроцессуальны

³⁴ См.: Латаускаене Э., Матулене С. Концепция мер процессуального принуждения в Уголовно-процессуальном кодексе Литовской Республики // Вестник КарГУ. Сер. «Право». 2005. № 4. С. 116.

³⁵ См.: Филимонов Б. А. Основы уголовного процесса Германии. Учеб. пособие. М., 1994. С. 53.

³⁶ См.: Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 204, 205.

³⁷ См.: Сумбарова М. В. Правовое положение лица, против которого начат уголовный процесс, по Уголовно-процессуальному закону Латвийской Республики. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 5.

³⁸ См.: Середнев В. А. Стадия возбуждения уголовного дела: рудимент или необходимость? // Росс. право: Образование. Практика. Наука. 2016. № 4. С. 20.

³⁹ См.: Сиверская Л. А., Смирнова Н. А. К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 1. С. 180.

⁴⁰ В государствах англосаксонской правовой семьи существует традиция фрагментарного регулирования досудебной деятельности (см.: Головки Л. В., Гуценко К. Ф., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 46).

⁴¹ См.: Подольный Н. А. Быть или не быть стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 150.

⁴² См.: Максименко В. Указ. соч.. С. 78, 79.

⁴³ См.: Пункт 14 Приказа Генерального прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 г. № 89.

⁴⁴ См.: Гриненко А. В. Обеспечение прав личности и концепции стадии возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2014. № 1. С. 74.

⁴⁵ См.: Колоколов Н. А. Указ. соч. С. 87.

⁴⁶ См.: Kühne H.-H. Strafprozessrecht. Eine systematische Darstellung des Deutschen und europäischen Strafverfahrensrechts. Heidelberg, 2010. S. 206.

и не связаны с принуждением, а его результаты никак не оформляются. Значение же преддознания состоит в том, что оно позволяет отсеять правдоподобную, но ошибочную информацию, не начиная предварительное расследования⁴⁷. Аналогичная конструкция (*pré-enquête*) существует и во Франции⁴⁸. Вполне возможно, что на постсоветском пространстве данная закономерность проявит себя ещё интенсивнее, также препятствуя реальному отказу от спорной стадии.

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание на несколько существенных моментов. С каждым годом появляется всё больше работ, порицающих стадию возбуждения

уголовного дела. Нередко звучат призывы к её упразднению по примеру соседних государств. Между тем проведённый обзор показал, что большинство постсоветских республик в том или ином виде критикуемую стадию сохранили. И даже европейские правовые порядки, исторически далёкие от советской модели, не избежали появления неформальных аналогов доследственной проверки. Поэтому противникам рассмотренного института пора сосредоточиться не на его критике, а на создании альтернативы, учитывающей отмеченные ошибки и особенности российского правосознания. В противном случае предлагаемая реформа лишь усугубит существующие проблемы, а отказ от советских деформаций так и останется не более чем красивым лозунгом.

⁴⁷ См.: *Joecks W.* Strafprozessordnung. Studienkommentar. München, 2011. S. 289.

⁴⁸ См.: *Головкин Л.В.* Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. С. 38, 39.